01/08/2019

Тихий, мирный, смиренный и радостный. «Убогий Серафим» Саровский

«Христос Воскресе, радость моя!» – восклицает он при встрече с каждым, потому что для него Воскресение Христово (а вместе с тем, получается, и восстановление всего рода человечества и его самого как его представителя) – это реальность, переполняющая его больше, чем видение Нетварного Света, которого он сподобился в первые годы своего подвижничества. Это реальность, о которой нельзя молчать – она требует свидетельства о себе. 265 лет со дня рождения преподобного Серафима Саровского.

Есть такая расхожая фраза: в XIX веке разрыв между Церковью и высшим обществом увеличился настолько, что Серафим Саровский и Пушкин, живя в одно и то же время, друг о друге не знали. Это не совсем верно. Серафим Саровский был достаточно хорошо известен в высшем обществе – по крайней мере, в провинции. Мобильной же связи и интернета тогда не было, так что неудивительно, что слава о старце в столице особенно не гремела. Или все же гремела? Есть же легенда о встрече преподобного с Александром I.

Впрочем, встречался ли старец с царем – не слишком важно (вообще это маловероятно). Период общественного служения преподобного Серафима

очень короток: всего восемь лет, с выхода из затвора в 1825 году до блаженной кончины в 1833 году. Пушкин, может, и познакомился бы со своим удивительным современником – состоял же он в литературной переписке с митрополитом Филаретом, Московским святителем, так что в его лице разрыва между Церковью и высшим обществом как раз не было.

Первое жизнеописание старца вышло уже через шесть лет после его кончины, цензурировал все тот же святитель Филарет. В начале царствования Александра III с предложением канонизировать иеромонаха Серафима обратились ко «всесильному» обер-прокурору Святейшего Синода Победоносцеву, чему тот воспротивился. Обер-прокурор – фигура далеко не номинальная, это представитель правящего класса. То есть в высшем обществе о личности преподобного существовала полемика. То есть о предмете полемики представление имелось.

В конечном итоге, уже в царствование царя-страстотерпца Николая II старец был прославлен с личным участием государя, и празднование этого события было чрезвычайно широким. Так что преподобный Серафим – вполне всенародный святой, святой всего народа, объединяющего все сословия.

Царь Николай II, перенесение мощей Святого Преподобного Серафима Саровского

Откуда же он взялся – такой тихий, мирный, смиренный и радостный? Как в засушливом климате Синодального периода вырос такой душистый цветок – из тех, которыми украшают к празднику иконы Богородицы?

Он родился в богатой купеческой семье. Купечество – особое сословие. Купцы часто выступали меценатами и жертвователями, и не только из личного или показного благочестия. Дело в том, что искать выгоды, наживы в России считалось не совсем приличным. Богатой имела право быть Церковь и государь – потому что и Церковь земная, и власть земная символизируют духовную красоту Царствия Небесного. А богатый человек, диктовало общественное мнение, да еще и радеющий о преумножении своего богатства – это в лучшем случае человек бездуховный. Если не просто грешник.

Именно поэтому купцы часто шли в противоположных направлениях – либо совсем теряли берега («эх, чего там, раз живем!»), либо, напротив, старались свое богатство «сохранять на небесах», хотя бы частично, и были искренне верующими, благочестивыми и смиренными, ощущающими свое ничтожество при внешнем благополучии людьми. Похоже, что юный Прохор был воспитан

именно в такой семье. Правда, отец его умер рано, но правильный импульс заложить в сына успел.

Может, именно это смирение, этот покаянный дух, в котором он простоял тысячу дней в молитве на камне, тоже родился в нем из отречения от внешнего «грешного» богатства… Но ведь не это же стало определяющим во всенародной любви к батюшке Серафиму, не угасающей в течение уже двух столетий? А что?

Рискну предположить, что за сетью непроверяемых легенд скрывается образ, которого зачастую не хватает – образ развивающейся, возрастающей добродетели. Типичное житие святого монаха: родился в благочестивой семье (или, напротив, противостоял бездуховному окружению), с юности почувствовал тягу к монашеству, удалился в пустыню/монастырь/лес/построил скит, молился, творил чудеса, вразумлял и наставлял, сподобился мирной кончины. Как вариант – был грешником, потом покаялся и удалился, опять же, в пустыню или монастырь. Но сам путь духовного развития остается скрытым.

Казалось бы, житие преподобного Серафима написано по первому образцу. Благочестивая семья, в юности – благословение старца-девицы Досифеи Киевской, монашество, молитва и мистический опыт, чудеса и затем блаженная кончина перед образом Божией Матери. Ничего нового. Но есть, как говорится, нюанс.

Фото: tatmitropolia.ru

Смотрите, какая красивая последовательность: смиренный монах, несущий обычные монастырские послушания; затем старец-отшельник и молчальник; затем – духовный наставник многих людей. Кротость в нем была всегда – потому и от напавших на него бандитов не отбивался, потому и медведь к нему приходил и с рук его ел.

> **Но кротость – это добродетель, а не рост. А в духовной жизни необходимо движение – вперед и вверх, иначе она в лучшем случае становится болотом, в худшем – пропастью.**

Вот он и двигался. Сначала просто исполнял заповеди, потом углублялся в свою душу в покаянной тишине, переходящей в молитву за мир.

(«Механизм» этого перехода хорошо описан Достоевским в «Братьях Карамазовых» – писатель вкладывает его описание в речь старца Зосимы: все связаны друг со другом, поэтому и молитва о своем прощении переходит в молитву за ближних. Можно еще обратиться к житию преподобного Силуана

Афонского, составленному старцем Софронием (Сахаровым): «Молиться за людей – кровь проливать», – говорил старец XX века, и примерно в тех же выражениях говорил о молитве покаянной.)

Но самое прекрасное в истории преподобного Серафима – он не зацикливается на мантре «я хуже всех». Он выходит к людям. А это значит – он не боится увидеть и оценить свой личный «прогресс». Он дерзает учить, и не просто дерзает, а считает это своим служением – делиться тем, что у него есть. Он не перестает называть себя «убогим Серафимом», понимая, что в ангела безгрешного не превратился, но в этом нет ни капли уныния, ни мгновения самобичевания – старец источает радость. «Христос Воскресе, радость моя!» – восклицает он при встрече с каждым, потому что для него Воскресение Христово (а вместе с тем, получается, и восстановление всего рода человечества и его самого как его представителя) – это реальность, переполняющая его больше, чем видение Нетварного Света, которого он сподобился в первые годы своего подвижничества. Это реальность, о которой нельзя молчать – она требует свидетельства о себе. Это реальность, пронизывающая всю вселенную любовью Божией, когда ближний виден только в Свете Божественном, а в каждом ближнем виден Божественный Свет. Это именно та радость, которая учеников Христовых никогда не покинет.

> **В главном «руководстве» для монахов, «Лествице», любовь – это вершина лестницы духовного совершенствования. Вот преподобный до нее и дошел.**

Наверное, он и почил вследствие любви – переполненный нежностью к Божией Матери, принимающей в Себя Христа Спасителя (икона «Умиление Серафимо-Дивеевская» – это изображение Девы Марии в момент Благовещения), сам наполненный до краев своей бездонной души Духом Святым. В таком состоянии самое время отходить к Богу. Чтобы свою радость распространить уже не только на самых ближних, своих учеников, духовных чад, собеседников, в том числе и случайных, а на весь мир, на все человечество.

Вот поэтому теперь его иконы можно встретить в России и Америке, его именем называют монастыри в Греции и Грузии, его почитают и православные, и католики. Как иначе может быть с радостью о Христе?

Преподобный Серафим Саровский родился 265 лет назад, а умер… Да какая ж это смерть.

– pravmir.ru